

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Родительный падеж

Как известно, суффикс родительного падежа в коми-зырянском языке имеет форму *-lōn* (диал. *-len*), например, *vok* 'брат', *vok-lōn* 'брата', *vōr* 'лес', *vōr-lōn* 'леса' и т. д. В удмуртском языке ему соответствует суффикс *-len*, например, *gurt* 'деревня', *gurt-len* 'деревни', *šur* 'река', *šur-len* 'реки' и т. д.

Согласно общепринятой в настоящее время точке зрения, суффикс *-lōn* исторически образовался в результате соединения двух элементов — слсвообразовательного суффикса, так наз. коаффикса *-l-* и суффикса местного падежа *-na*. Предполагают, что в основе родительного падежа пермских языков лежит какой-то внешнеместный падеж, соответствующий по значению финскому адессиву.¹ Однако есть некоторые фактические данные, которые дают основание сомневаться в правдоподобности этой гипотезы.

Суффикс родительного падежа в уральских языках, по всей видимости, развился в результате переосмысления инструктива.² Если это действительно так, то инструктив в уральских языках не имел *l*-ового коаффикса. Данное положение подтверждается тем, что ни в одном из уральских языков, за исключением пермских, суффикс родительного падежа не включает в свой состав элемент *l*. Это явление наблюдается даже в таких языках, в которых существуют внешнеместные падежи, характеризующиеся показателем *l*, например в прибалтийско-финских: фин. *metsä* 'лес', род. *metsä-n*, мар. *jal* 'деревня', род. *jal-än*, эрзя-морд. *kudo* 'дом', род. *kudo-ñ*, ненецк. *řa* 'дерево', род. *řa*'.

Руководствуясь этими соображениями, можно предположить, что в пермских языках суффикс родительного падежа имел форму *-ōn*, *-en*, лишенную коаффикса *-l-*. Откуда мог появиться в составе суффикса родительного падежа коаффикс *-l-*? Он мог появиться после того, как в пермских языках родительный падеж при имени, выполняющем роль прямого дополнения, был заменен аблативом на *-lys* (*-leš*), ср. коми-

¹ В. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Stockholm 1960, стр. 292.

² Б. А. Серебрянников, Валлийская конструкция *y mae cath gan y ferch* и проблема происхождения суффикса родительного падежа в уральских языках. — СФУ I 1965, стр. 5—10.

зыр. *adža bat-lyš kerka* 'вижу дом отца', удм. институт-лэсь директорзэ ссвещание отизы 'директора института вызвали на совещание'.³

Таким образом, в вышеприведенных случаях аблатив фактически приобрел функцию родительного падежа. По причине сходства функций коаффикс *-l-* мог проникнуть из суффикса переосмысленного аблатива *-lyš* в древний суффикс родительного падежа *-ōn* (*-en*). Этот процесс можно выразить в виде уравнения:

$$\begin{aligned} -\tilde{o}n \text{ (-en)} &: -lyš \\ -l\tilde{o}n \text{ (-len)} &: -lyš \end{aligned}$$

2. Соединительный падеж (комитатив)

Суффикс соединительного падежа (комитатив) имеет в коми-зырянском языке форму *-kōd*, например, *nyv* 'девушка', ком. *nyv-kōd*; *mort* 'человек', ком. *mort-kōd* и т. д. В удмуртском языке этот падеж отсутствует.

О происхождении суффикса соединительного падежа *-kōd* высказывались различные точки зрения. И. Буденц сопоставлял его с венг. *had* 'семья; род; отряд', манс. *hont* 'отряд', фин. *kunta* 'община', саам. *godde* 'вместе'.⁴ Х. Паасонен пытался сопоставить его с эрзя-морд. *koñdamo*, мокша-морд. *kođama* 'подобный, одинаковый', привлекая одновременно и коми-зыр. слово *kod*, *kojd* 'подобие'.⁵ Иного взгляда придерживался Ю. Вихман. В суффиксе *-kōd* он прежде всего видел элемент *kō*, который считал возможным сопоставить с суффиксом марийского комитатива *-ke*, *-ye*, ср. такие формы, как *kap-ke* 'с телом', *βätä-ye* 'с женой'. Вихман считал возможным также связать элемент *kō* с послелогом *ke*, встречающимся в карельских диалектах.⁶ Элемент *d*, *t*, в *-kōd*, *-kōt* (диал.) Вихман сопоставляет с формативом *-d*, *-t* в суффиксе переместительного падежа *-ōd*, *-ōt*.⁷ Мы считаем возможным расширить этимологические связи элемента *kō*. В марийском языке существует усиленная постпозитивная частица *ak*. Эта частица помимо своей выделительно-усилительной функции может иметь оттенок присоединения, например: *Пычкемыш ыле, пычкемыш-ак кодалтын* 'Темным он был, темным и остался'; *Чынжым-ак, шуко жап ыш эрте, некрут-влак пар имне дене ялыш кудал пурышт* (Шабдар Осып, Ёдрамаш корно, стр. 43)⁸ 'И действительно, вскоре (букв.: не прошло много времени) рекруты на паре лошадей въехали в деревню'.

Марийской выделительно-усилительной частице *-ak* в мордовских языках этимологически соответствуют частицы мокш. *-га*, *-ге*, *-ка*, *-ке*, *-вок*; эрз. *-гак*, *-как*, *-ак*, *-як*. Примеры: эрз. *Рана маднить — рана стить-как* (Изнямо, № 11, стр. 38) 'Рано ложатся — рано и встают'; *Саия рюкзак-ом-гак ды туинь* (там же, стр. 38) 'Я взял также и свой рюкзак и пошел'; *Таргавсь ковось — пезэ-як а неяви* (там же) 'Растянулся месяц — и конца его не видно'; мокш. *Сергей сонць-ке шарьх-кодсь, што корхтай аф убедительнайста* (Сяськома, № 10, стр. 84)

³ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 95.

⁴ J. Budenz, Magyar ugor összehasonlító szótár, Budapest 1873—1881, стр. 65—66.

⁵ H. Paasonen, Kielellisiä lisiä Suomalaisten sivistyshistoriaan. — Suomi. Kolmas jakso, osa 13, 1897, стр. 15—16.

⁶ Y. Wichmann, Zur permischen grammatik. — FUF XVI 1923—1924, стр. 153.

⁷ Там же, стр. 152.

⁸ Цит. по изданию 1957 г.

Сергей и сам догадался, что говорит неубедительно'; *Тясо-вок пара эрямась 'И здесь хорошо жить'*.⁹

Усилительные частицы *-kin* и *-kaan* (*-kään*) в финском языке также могут иметь оттенок присоединения, например: *Ihmisten tekemänä on tämä konsti ollut ennenkin* 'Эта штука и раньше людьми делалась'; *Eihän tässä mitään asiaa olekaan* 'Да тут, собственно, никакого дела и нет'.¹⁰

Можно предположить, что в коми-зырянском языке элемент *kõ* в суффиксе соединительного падежа *-kõd* представлял собой когда-то выделительно-усилительную частицу с оттенком присоединения, например, *пуо-kõ* 'и девушка', *mort-kõ* 'и человек'. Позднее эта частица получила значение совместного пребывания. Связь конечного элемента *d* (*<t*) с суффиксом переместительного падежа, как предполагал Ю. Вихман, представляется нам сомнительной. Скорее всего этот элемент генетически связан с марийской частицей *-t*, *-at*, имеющей комитативное значение, ср. такие названия числительных, как луг.-мар. *ла-т-ик(те)*, горно-мар. *лу-ат-ик(ты)* 'одиннадцать (букв.: с десятью один)', луг.-мар. *ла-т-кокт-(ыт)*, горно-мар. *лу-ат-кокт-(ыт)* 'двенадцать (букв.: с десятью два)'.¹⁰

3. О происхождении глагольного суффикса *-yšt-*

Глагольный суффикс *-yšt-* в коми-зырянском языке служит для выражения маломерности действия или его недостаточной интенсивности. Маломерность действия обычно характеризуется его малой продолжительностью. Понятие «малой меры» в известной степени относительно. Амплитуда колебаний различных малых мер действия имеет широкий размах, начиная от мгноменности и кончая довольно значительными объемами относительной маломерности действия. Особой разновидностью маломерности действия следует считать также действие с малой интенсивностью проявления, например, *буситыштны* 'слегка моросить (об осеннем дожде)', *пöльтыштны* 'дуть слегка (о ветре)'.¹¹

Происхождение суффикса *-yšt-* до сих пор считается недостаточно выясненным. И. Буденц пытался возвести его к суффиксу *-ks*¹¹, по мнению Т. Лехтисало, встречающиеся в некоторых финно-угорских языках суффиксы типа *š* — вторичны и восходят к первоначальному *tš*¹². М. А. Кёвеси отношение *š* к первоначальному *tš* считает недостаточно выясненным.¹³

В удмуртском языке суффикс *-yšt-* встречается значительно реже, чем в коми-зырянском. Наиболее точные соответствия он находит в прибалтийско-финских и саамском языках, ср. фин. *katsahtaa* 'взглянуть', эст. *seisatama* (*<seisahtama*) 'приостановиться', норв.-саам. *áddeslit* 'немного давать'.¹⁴

Пермский суффикс *-yšt-* содержит два составных элемента — *š* и *t*.

⁹ Грамматика мордовских языков, Саранск 1962, стр. 356, 357.

¹⁰ Грамматика финского языка, Москва—Ленинград 1958, стр. 228, 229.

¹¹ J. Budenz, Az ugor nyelvek összehasonlító alakтана. Különnyomat a Nyelvtudományi Közleményekből, Budapest 1884—1894, стр. 37, 43.

¹² T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe (= MFSOU LXXII), Helsinki 1936, стр. 222.

¹³ M. A. Kövesi, Permi nyelvek ősi képzői, Budapest 1965, стр. 366.

¹⁴ T. Lehtisalo, указ. раб., стр. 227—232.

Полярность его значений (обозначает и мгновенное и с недостаточной интенсивностью проявляющееся действие) явно свидетельствует о том, что эти два составных элемента первоначально имели разные значения. Носителем значения маломерности действия является суффикс *-š-*. Значение маломерности действия могло развиваться из значения уменьшительности. С этим значением суффикс *-š-* довольно хорошо представлен в некоторых мордовских прилагательных, ср. эрз. *šarato* 'кислый', *šarat-i-ža* 'кисловатый', *riže* 'зеленый', *riž-i-ža* 'зеленоватый'. Суффикс выражает неполноту качества. Первоначальный его вид *(i)ša*. Интервокальное *š* в мордовских языках закономерно превращалось в *ž*. Иногда суффикс *-š-* соединялся с близким по значению уменьшительным суффиксом *-k-*, что нашло отражение в таких образованиях, как финские прилагательные на *-hka* (*-hkä*), *-hko* (*-hkö*) и мордовские прилагательные с суффиксом *-ška*, ср. фин. *sileä-hkä* 'довольно гладкий', *lyhye-hkö* 'довольно короткий', эрзя-морд. *пандо-шка* 'величиною с гору (первоначально: гороватый)'.

Можно предполагать, что первоначально в глаголах был представлен один суффикс *-š-*, выражавший маломерность действия. Маломерность действия очень близко соприкасается с мгновенностью действия, которая по существу представляет собой ее частную разновидность. Частое соприкосновение этих двух сфер привело к тому, что суффикс *-š-*, по-видимому, еще в глубокой древности соединился с суффиксом однократного действия *-t-*, который выступает в таких коми-зырянских глаголах, как *кабыр-т-ны* 'схватить рукой' (при *кабравны* 'хватать'), *сув-т-ны* 'встать' (при *сулавны* 'стоять'). Контаминации этих двух суффиксов могло способствовать также известное стремление к облегчению произношения, поскольку суффикс *-š-*, особенно в интервокальном положении, был не особенно удобопроизносим, например, *сет-ыш-ыны* 'дать немного', позднее *сетыштыны* и *сетыштны*.

4. О происхождении суффиксов множественного числа *-jas* и *-jan*

Относительно происхождения этих двух суффиксов нами было высказано предположение, что в их основе лежит суффикс собирательной множественности *-a*, *-ja*, появляющийся в таких словах, как коми-перм. *роžit-a* 'сосняк', *күž-ža* 'березняк' (< *күžja*), *коз-ja* 'ельник'. Конечные *s* и *n* являются детерминативами.¹⁵

К. Редееи считает это предположение несостоятельным, приводя следующие аргументы: 1) в элементе *a* бесполезно искать признак множественности. Такого показателя множественности не было ни в пермских, ни в других финно-угорских языках. В образованиях типа *роžitа* конечное *a* совпадает с суффиксом прилагательных *-a*. Попутно заметим, что венгерский суффикс имени обладателя (nomen possessoris) *-s* употребляется в том же значении, ср. *nyíres* 'березняк' (*nyír* 'береза'), *kukoricás* 'кукурузное поле' (*kukorica* 'кукуруза'); 2) детерминатив *n* в пермских языках также отсутствует.¹⁶

Вышеприведенная аргументация не представляется нам достаточно убедительной. Элемент *a* может фигурировать в пермских языках в составе многократного суффикса *-al-*, например, *šet-a-v-ny* (*šet-a-l-ny*)

¹⁵ В. Serebrennikov, Formgeschichtliche Untersuchungen. — ALHung. XIII 1963, стр. 261, 262.

¹⁶ K. Rédei, Adalékok a permi nyelvek történeti alakánához. — Magyar Tudományos Akadémia I. Osztályának Közleményei 23, 1966, стр. 251.

'раздавать', *min-a-v-ny* (*min-a-l-ny*) 'расходиться'. Суффиксы собирательной множественности и суффиксы многократного действия генетически связаны.¹⁷ Совпадение с суффиксом прилагательных *-a* здесь только кажущееся.

Неверно и то, что в финно-угорских языках нет элементов *n* и *s*, связанных с понятием множественности. Роль элемента *n* как специфического показателя множественности объектов обладания общеизвестна. Что же касается детерминатива *s*, то он также может выступать в роли показателя собирательной множественности в составе сложных суффиксов собирательной множественности, ср. фин. *koivi-sto* 'березняк' (от *koivu* 'береза'), *saari-sto* 'архипелаг' (от *saari* 'остров'). Наблюдаются случаи, когда древнее значение собирательной множественности было переосмыслено как значение, выражающее обилие чего-либо. В этой роли элемент *s* выступает в составе финского суффикса *-kas* (*-käs*), например, *voima-kas* 'сильный' (от *voima* 'сила'), *äly-käs* 'умный' (от *äly* 'разум'), *ääne-käs* 'громкий' (от *ääni* 'голос') и т. д.

Венгерский суффикс *-s* (*-š*), выступающий в таких образованиях, как *hónapo-s* 'месячный', *zölde-s* 'зеленоватый', *köve-s* 'каменистый', восходит к уральскому уменьшительному суффиксу *-š*.¹⁸ Генетически он тоже мог быть связан с каким-то суффиксом собирательной множественности. Подтверждением возможности такой связи служат, например, образования типа манс. *халя-си* 'березняк' (*халь* 'береза'), *ховта-си* 'ельник' (*ховт* 'ель'). Мансийский суффикс собирательной множественности *-ši* мог развиться из *-ši*. Исходя из этих соображений, можно предполагать, что в венгерских образованиях типа *nyíres* суффикс *-s* сохраняет старое значение собирательной множественности.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

NOCH EINMAL ÜBER DEN URSPRUNG EINIGER GRAMMATISCHER FORMEN DES SYRJÄNISCHEN

Der Verfasser führt einige neue Erwägungen an, die den Ursprung einzelner grammatischer Formen der syrjänischen Sprache betreffen. Er behauptet, daß das Koaffix *-l-* in der Genitivendung *-lön* nicht organisch ist, wie früher angenommen wurde, sondern unter dem Einfluß der Ablativendung *-lys* in die ursprüngliche Genitivendung *-ön*, *-en* eingedrungen ist. Das Element *kō* in der syrjänischen Komitativendung *-kōd* versucht er mit den Verstärkungspartikeln des Tscheremissischen und Mordwinischen *-ak*, *-ka*, *-ke* usw. etymologisch zu verbinden. Der Verfasser behandelt auch den Ursprung des verbalen Suffixes *-yšt*. Seiner Meinung nach besteht dieses Suffix aus zwei Suffixen: *-š* und *-t*. Das erste Suffix hatte ursprünglich eine diminutive Bedeutung, das zweite ist das bekannte finn.-ugr. Suffix der momentanen Handlung.

Weiter polemisiert er mit dem ungarischen Forscher K. Rédei, der die Annahme des Verfassers über die Anwesenheit von besonderen determinativen *s* und *n* in den Pluralendungen *-jas* und *-jan* vollkommen ablehnt. Der Verfasser führt einige Angaben an, die seine frühere Annahme über die Verbundenheit dieser Determinative mit der Bedeutung der Mehrheit bekräftigen.

¹⁷ В. А. Серебренников, К проблеме происхождения суффиксов многократного действия в уральских языках. — СФУ II 1966, стр. 157—163.

¹⁸ P. Hajdú, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest 1966, стр. 145.